

— Жемчужина? — тихо рассмеялась бабушка Тридакна. — Конечно, целая.

Её духовная сила разлилась вокруг. Она не была такой мощной, как у Тан Ю, но ощущалась плотной и мягкой. Тридакна слегка приподняла серый камень, открывая маленькое углубление, спрятанное под красным кораллом.

Показалась розовая жемчужина.

Взгляд Шэнь Цзисяо упал на неё. Это была необычная жемчужина: неправильной формы, не идеально круглая и не овальная. С одного конца она была шире, с другого — уже, напоминая птичье яйцо, а в длину достигала всего фаланги пальца. И хотя её цвет был необычайно красив — бархатистый светло-розовый оттенок, — Шэнь Цзисяо смутно припоминал, что Тан Ю был крайне придирчив к жемчугу. Вряд ли маленькой медузе понравилась бы такая несовершенная вещь.

— Вау! — однако маленькая медуза издала радостный возглас. — Мы проплыли так далеко, но эта раковинная жемчужина всё равно самая красивая.

— Раковинная жемчужина?

— Маленький русал никогда не видел таких жемчужин? — с улыбкой объяснила бабушка Тридакна. — Обычный жемчуг производят двустворчатые моллюски, а эта жемчужина родилась внутри особой крупной морской улитки. Может быть, лишь одна из пятидесяти тысяч улиток способна вырастить такую — впрочем, для самой улитки в этом нет ничего хорошего.

Услышав обращение «маленький русал», Шэнь Цзисяо на мгновение почувствовал неловкость, но по сравнению с бабушкой Тридакной он действительно был очень молод и неопытен. Узнав о ценности этой жемчужины, он присмотрелся к ней внимательнее. Оказалось, что её поверхность не только обладала гладким перламутровым блеском, но и таила в себе едва заметные узоры, напоминающие языки пламени. Это создавало ощущение чего-то одновременно текучего и вечного.

Очень красиво.

С тех пор как он прибыл на коралловый риф, ему уже почти наскучило повторять слово «красиво».

Маленькая медуза взяла жемчужину:

— Спасибо, бабушка.

— Ох... не зови меня так, — Тридакна легонько коснулась маленькой медузы своей духовной силой. — Я этого не заслуживаю.

Тан Ю закружился на месте:

— Я посмотрю воспоминания в жемчужине и сразу верну её вам.

* * *

Коралловый риф был местом, где не было недостатка в еде и ресурсах.

Маленькая медуза с жемчужиной в щупальцах повела русала на окружённую кораллами

поляну всего в нескольких метрах от бабушки Тридакны. Морское дно здесь было покрыто мелким белым песком, очень мягким, на котором росли бледно-красные водоросли, чьи тонкие нити колыхались в такт течению.

— Эти водоросли можно есть, а можно растереть и приложить к ранам, они отлично помогают лечить шрамы.

Русал молча вырывал водоросли. К этому моменту он уже смирился с тем, что всё здесь приходится есть сырым, и ел то, что Тан Ю называл съедобным. К счастью, на вкус эти красные водоросли оказались вполне сносными: слегка отдавали морем, но оставляли на языке лёгкую сладость. За один укус уходила одна травинка. Наверное, если он обглодает ещё пару квадратных метров, то наестся досыта.

Маленькая медуза тем временем просматривала воспоминания в жемчужине и, лишь закончив, передала её ему.

Шэнь Цзисяо продолжил щипать водоросли, одновременно погружаясь в воспоминания.

Красивая раковинная жемчужина по-прежнему хранила в себе множество на первый взгляд бесполезных картинок. Но на этот раз Шэнь Цзисяо они не показались скучными, и он внимательно просматривал их одну за другой.

Маленькая медуза записала много сцен из повседневной жизни тридакн. Давным-давно на этом коралловом рифе жило множество моллюсков. В основном это были небольшие, но ярко окрашенные крокусовые тридакны — розовые, изумрудные, лазурные, их было не сосчитать. Лишь две тридакны были по-настоящему крупными.

Мантия одной переливалась градиентом в цвет павлиньего пера — он узнал в ней бабушку Тридакну, с которой только что разговаривал.

Вторая тоже была огромной: с серой внешней раковиной, белоснежной внутренней и красновато-коричневой мантией. Она находилась совсем рядом с бабушкой Тридакной. Шэнь Цзисяо напряг память — сейчас на том месте не было моллюска, лишь древовидные красные кораллы.

Он продолжил просмотр.

Сменялись дни и ночи. Наверное, маленькая медуза пробыла на рифе очень долго... хотя, не обязательно. Тан Ю говорил, что может записывать в жемчужины и чужие воспоминания.

Каждое утро две большие тридакны желали друг другу доброго утра, а каждый вечер — спокойной ночи. Разделённые веерообразным красным кораллом, они смутно видели друг друга. Так происходило изо дня в день — настолько обыденно, что казалось скучным.

Пока однажды утром красновато-коричневая тридакна вдруг не сказала:

— Я скучаю по тебе.

Бабушка Тридакна слегка опешила, но тут же ответила:

— И я скучаю по тебе.

— Сколько лет мы знакомы?

— Сто восемьдесят лет.

— Как долго, — произнесла красновато-коричневая тридакна. — И в то же время, будто в мгновение ока пронеслось.

— Это правда.

— Сяо Кэ, твоя духовная сила становится всё крепче.

Сяо Кэ? Это имя бабушки Тридакны? Шэнь Цзисяо вспомнил слова маленькой медузы о том, что у большинства морских обитателей нет привычки давать себе имена, это делают лишь самые умные, те, у кого есть своя цивилизация.

— Мне ещё предстоит много трудиться, — ответила бабушка Тридакна. — Я тренируюсь просто чтобы скоротать время.

— Нет, Сяо Кэ, ты очень талантлива, гораздо талантливее меня.

На этом диалог внезапно оборвался.

На следующее утро они по-прежнему пожелали друг другу доброго утра, только добавили ещё одну фразу.

— Я скучаю по тебе.

— И я скучаю по тебе.

Казалось, это были всё те же серые будни. Однако спустя неделю, одним ранним утром, красновато-коричневая тридакна не издала ни звука.

— А-Дань? — неуверенно позвала бабушка Тридакна.

Ответа не последовало.

А-Дань умер.

Ушёл тихо и незаметно, словно просто уснул в лучах оранжевого рассвета. Уснул так спокойно, что бабушка Тридакна не сразу это поняла, не заметили этого и живущие рядом рыбки-клоуны, не заметили и полчища красных коралловых полипов.

А-Дань прожил сто восемьдесят лет и умер от старости.

В конце прозвучал голос бабушки Тридакны:

— Лишь много времени спустя я поняла: перед самой смертью А-Дань осознал, что любит меня. А я оказалась ещё глупее: я поняла, что он любил меня, только после его смерти.

— И я тоже его люблю.

Воспоминания в жемчужине закончились.

Шэнь Цзисяо опешил и замер.

С несколькими травинками в зубах он вынырнул из воспоминаний жемчужины и обнаружил,

что обглодал чуть ли не половину поляны и уже почти наелся.

Остальные мелкие животные, питавшиеся водорослями, теперь смотрели на него широко раскрытыми от гнева глазами. Восемнадцать крабов, сорок пять креветок и шестьдесят восемь рыб сплотились как никогда прежде, словно обсуждая, как силами своей армии прогнать этого гигантского прожорливого русала-монстра.

— Злой русал сожрал наши запасы!

— Злой русал!

— Карательный поход против русала неизбежен!

— Карательный поход! Неизбежен!

Они устраивали заговор буквально во весь голос.

Шэнь Цзисяо: «...»

Хуже всего было то, что маленькая медуза неведомо когда тоже затесалась в ряды этой армии. Выделяясь на фоне остальных, как клубничная мармеладка, Тан Ю давал им советы:

— Покараем русала, ударим его током по пальцам!

— Ударим током по пальцам!

Прокричав это хором, армия начала перешёптываться: «Но мы же не умеем бить током?» «Точно-точно, в моих клешнях нет тока». «И в моем рту тоже». «Может, позовем Великого Бессмертного Электрического Угря и Дедушку Актинию?» «Заткнись, придурок, они сначала сожрут нас!»

Тут маленькая медуза вызвалась добровольцем:

— Я медуза, я могу ударить током!

Креветки и крабы засомневались:

— У тебя есть ток! Но ты всего лишь маленькая медуза, не будет ли это слишком опасно?

Маленькая медуза с уверенностью поручилась:

— Я же медуза!

И вот Шэнь Цзисяо увидел, как живая мармеладка изо всех сил плывёт к нему, подплывает к его пальцу и касается его крошечным щупальцем.

При этом Тан Ю очень тихо прошептал:

— Глупый русал, это всё из-за того, что ты слишком много ешь. Они собрались идти на тебя войной. Скорее притворись, что я ударил тебя током и ты убежал, тогда они не станут щипать тебя за пальцы.

Шэнь Цзисяо: «...»

Он развернулся и поплыл прочь. Перемахнув через гряду кораллового рифа, он всё ещё слышал доносящиеся позади слабые крики: «Маленькая медуза прогнала злого русала! Да здравствует маленькая медуза!»

* * *

Тан Ю догнал русала лишь немного погодя.

На его прозрачном куполе был намотан венок из красных водорослей — лавровый венец победителя, сплетённый для него армией креветок и крабов. Выглядело это очень торжественно, и любой бы похвалил его, увидев такое.

Любой, кроме русала.

— Я вернулся! — в отличие от Шэнь Цзисяо, который после просмотра воспоминаний пребывал в какой-то необъяснимой печали, Тан Ю казался абсолютно беззаботным, словно на него это никак не повлияло. — Русал, ты не испугался их? На самом деле они не хотели причинить тебе вреда, просто ты съел слишком много.

Русал покачал головой.

Бабушка Тридакна неподалёку вздохнула:

— Какие энергичные дети.

Шэнь Цзисяо протянул руку, на ладони которой лежала светло-розовая раковинная жемчужина:

— Я посмотрел всё. Здесь нет воспоминаний о затонувшем корабле. Спасибо вам, бабушка Тридакна.

— Не благодари меня, эту жемчужину помогла мне записать маленькая медуза. Чем больше рыб её увидит, тем больше будут знать об этих воспоминаниях, — с грустью произнесла бабушка Тридакна. — Настоящая смерть наступает лишь тогда, когда все забывают. Возможно, на всём этом рифе только я помню о нём, и какое счастье, что я всё ещё его помню.

Шэнь Цзисяо вспомнил человека, который его спас. Столько лет прошло, а помнит о нём лишь он один, не желая предавать забвению. Если он прекратит поиски, неужели никому больше не будет до него дела?

— Маленький русал, ты только что упомянул затонувший корабль?

— Да. Во время шторма восемнадцать лет назад в соседних водах затонул корабль. Я едва не погиб, но кое-кто меня спас. Сейчас я ищу его следы.

— Тот самый шторм... я его помню, — вдруг сказала бабушка Тридакна.

— Вы можете мне рассказать?

— Конечно. Но, возможно, это никак не связано с человеком, которого ты ищешь. Как ты знаешь, я всю жизнь не покидала этого места.

— Ничего страшного.

Тан Ю тоже хотел подплыть и послушать, но его уже обступили мелкие рыбёшки. Ему оставалось только в своём венке из водорослей радостно болтать с креветками и крабами, рассказывая им забавные истории из своих путешествий.

Шэнь Цзисяо взглянул на него и подумал, что Тан Ю и впрямь очаровательная маленькая медуза. На морском дне не найдётся рыбы, которой бы не понравилась такая живая мармеладка. Он умел слушать, умел рассказывать и сохранял то, что было забыто другими. Исключительно хорошая маленькая медуза.

На душе у Шэнь Цзисяо немного потеплело, и он поймал себя на мысли, что мог бы вечно наблюдать, как маленькая медуза общается с другими существами.

А затем он вдруг вспомнил об одной детали:

— Бабушка Тридакна, а когда маленькая медуза помогла вам записать эту жемчужину?

Хотя время воспоминаний не обязательно совпадало со временем записи, некоторые ракурсы в жемчужине явно принадлежали маленькой медузе — а значит, он должен был лично присутствовать при тех событиях, не так ли?

— Восемнадцать лет назад, — тут же ответила бабушка Тридакна. — А-Дань умер, а через два года я встретила маленькую медузу.

Шэнь Цзисяо внезапно вздрогнул, его пальцы слегка сжались.

Восемнадцать лет назад... Маленькая медуза и правда живёт так долго?

<http://bllate.org/book/12563/1117635>